

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ – МИФ О НАРЦИССЕ

Обращение к природе человеческой субъективности предполагает корреляцию с мировоззрением эпохи. Для нашего времени основная установка взглядов на жизнь – интенционализм, с учетом которого мы предлагаем анализ нарциссического модуса бытия субъекта.

Ключевые слова: интенциональность, гуманизм, свобода, субъект, нарциссизм.

Интенциональность как характеристика существования человека наших дней полагает трансформацию формы этого существования в статус исключительно предикативный, т. е. подчиненный задаче выражения чистой интенциональной динамики. Динамика-в-себе есть сама интенциональность, главный предмет которой – динамическое выдвижение безотносительно того, к чему оно направлено. Если всякая целевая и смысловая деятельность предполагает для себя некий предел, указывающий на точку предполагаемого целевого или смыслового достижения, то деятельность в контексте интенциональности по сути не определена: это вне-целевая и вне-смысловая деятельность. Безусловно, что интенциональность имеет дело с пределами, формами, сквозь которые протекает ее выдвижение, но встречающиеся на ее пути пределы не имеют отношения к характеру этого выдвижения. Пределы и формы есть расходный материал для интенционального осуществления, они лишены всякой целевой и смысловой нагрузки: на некоторый срок вкладываясь в них, интенциональность так или иначе возвращается в себя, а пределы и формы теряют актуальность по мере своего износа.

В интенциональном контексте у пределов и форм есть единственный вариант осуществления, который состоит в приписанном им свойстве беспрепятственно проводить сквозь себя внесмысловую деятельность и по мере этого проведения становиться изношенными. Такая подчи-

ненность формы интенциональной динамике с наибольшей последовательностью обоснована в концепциях Гуссерля. С одной стороны, интенциональность есть основа *феноменологического сознания*, которое всегда отнесено к предметности, т. е. к пространству пределов и форм. Интенция есть выдвижение к предмету, и сознание включается лишь при таком выдвижении. Но оказывается, что предмет сам по себе не имеет определяющего значения; более того, не факт, что он вообще существует в онтологическом смысле. То, что включает сознание, есть не что иное, как факты интерсубъективного поля, выраженные в представлениях о предметах. Это факты, возникающие в сознании при его столкновении с сознаниями, для него трансцендентными; их трансцендентность конституирована тем, что совершенно любая представленность есть отчужденное, находящееся по ту сторону от перманентного воспринимающего сознания событие. Интенциональная активность выражает себя в эффектах от таких столкновений. Другими словами, всякая возможная, аподиктическая (несомненная) предметность есть плод столкновения полей сознания, т. е. плод их коммуникации, *media*. Об онтологии предметов речь может идти только гипотетически, т. е. опять же на уровне «интенциональных горизонтов».

Собственно предметный мир исчезает в интенционализме как самостоятельный; всякая идентичность есть акт коммуникативной встряски. Если в традиционных уче-

ниях о предметности, к примеру у Аристотеля, форма не порождается в процессе контакта, но онтогенетически задается как индивидуально-подлинная, то в интенционализме форма может быть свободно избрана, заменена на другую, взята в прокат или может оказаться просто случайной. Можно представить, что интенциональность, с точки зрения Аристотеля, была бы не чем иным, как пространством анти-формы, первичным хаосом, *hyle*, и приписывать ей способность порождать предметный мир равнозначно тому, чтобы отвергать настоящего творца форм, который противоположен хаосу, который есть чистая Форма. А равно отвергать и субъективную конкретность всякого существа, так как в пространстве *media*-бытия идентичность субъекта не имеет собственной природы, но делается и трансформируется коммуникативным искусством.

По канонам этого коммуникативного искусства интенциональность есть по сути своей базовая динамика предметного бытия, создающая его из своей неопределенной, инвариантной потенции по принципу «наполняющего определения и переопределения» [Гуссерль, 2006. С. 116]. Формы, модели не задаются этой динамике в качестве предметных и смысловых пределов, подобно тому, как у Аристотеля формы сходят в *физис* посредством *энтелехии*. Формы порождаются самой динамикой (ср. гр. *dinamis*, которая в «Метафизике» Аристотеля отождествлена с материей), и, не будучи чем-то иным от нее, эти формы воплощают своим бытием всю ее неопределенность: они имеют *хилеастичный* характер, который в современной манере Ж. Делеза можно обозначить как характер *шизоидный* (расщепленный). В качестве порождений своей интенциональной субстанции формы способны наиболее полноценно бытийствовать в том случае, если будут подобны ей в базовом субстанциональном качестве, т. е. в *шизоидной* динамичности со всеми вытекающими отсюда следствиями (изменчивость, флуктуация, инвариантность, заменяемость и т. д.).

Когда мы говорим об *интенциональном гуманизме*, то имеем в виду представленность человеческого существования в контексте шизоидной динамики, *хилеазма*, внесмысловой интерсубъективности, где форма, соответствующая таким традиционным

человеческим самоидентификациям, как *предназначение* или *индивидуальность*, выставлена в служебной, предикативной роли на просторах тотального *media*. Человеческой форме предложено быть адаптивной к любому эффекту видоизменения коммуникативных полей; отвергаются лишь те эффекты, вследствие которых дальнейшие трансформации затруднительны или вовсе невозможны. Данное предложение к адаптации берет за свое основание одну из важнейших гуманистических установок – беспрекословно признанную *идею свободы*, в контексте которой всякая претензия на неизменность и устойчивость какой-либо формы человеческого *identity* оценивается как атавизм и вызывает по большей части иронию, а порою, в особо радикальных случаях – враждебность. Свобода в своем принципе не знает ни предела, ни формы; чистая свобода есть лишенность всякой предметности – небытие. Каким образом можно представить свободное существование, если наиболее адекватным выражением такового будет либо *еще-не-рождение* либо *уже-смерть*? Идеология свободы предлагает не полное тождество со свободой, но максимально возможное ее подобие, воспроизведенное в условиях сохранения и умножения форм. Для соответствия нужна ориентация не на монолитную природу отдельно взятого *identity*, но на тот зазор, который открывается при переходе внимания от себя к тому, что уже не идентифицируется с собой. Этот зазор совершенно не подвластен предметному определению: это уже не твое *identity*, но еще и не другое – промежуточная субстанция, своего рода *предметная промежуточность*. К свободе она имеет то отношение, что так же не зависит от пределов и форм, но в силу этого предоставляет формам возможность для всех видоизменений, на которые они только будут способны.

Идеология свободы настаивает на том, что именно промежуточная субстанция есть базовое условие для беспрепятственного самоопределения человеческого *identity*; предоставленная ею возможность осуществления форм есть основное благо для тех, кто обладает адекватным восприятием жизни. Кто не согласится с тем, что переживает сильнейшую неполноценность в случае, если сталкивается с преградами при переходе своего внимания или воли к тому, что его привлекло? А поскольку идеология свободы

утверждает, что идентичность человека выражается в его влечениях, то соответственно максимально полноценным существование *identity* будет там, где количество преград минимально. Эта рекламируемая беспрепятственность влечений есть интенциональность, шизоидная динамика. Пространство, в котором обеспечивается гипотетическая беспрепятственность, есть пространство интенционального гуманизма, или *media-гуманизм*.

Что представляет собой субъект интенционального гуманизма? Как описывает Гуссерль, в центре мироздания, т. е. неопределенного, ризоматического поля, находится трансцендентальный субъект – *ego*, которое конституирует всю интенциональную динамику. По сути, *ego* есть проводник «бесконечной регулятивной идеи» [Гуссерль, 2006. С. 129], посредством которой всякая идентичность, всякая завершенная формализация может быть связана с любой другой, что соответствует субстанциональной природе всех форм как природе инвариантной и текущей. Следовательно, трансцендентальное *ego*, в той степени, в которой оно, по Гуссерлю, само конституируется «бесконечной регулятивной идеей», выдвигая себя тем самым из чистого хаоса, оказывается субстанциональным элементом, т. е. элементом интенциональной всеобщей природы и, соответствуя ей, должно осуществлять себя адаптивно к тем «определениям и переопределениям», которые в ней возможны и которые для этого *ego* доступны. С учетом связующего все со всем характера интенциональной природы трансцендентальное *ego* должно практиковать максимальную толерантность, которая для феноменологического сознания есть сущностная мудрость. Это мудрость возможного «переопределения».

Когда феноменологическое (гуманистическое) сознание совершает редукцию к своим основаниям, то оказывается не перед определенным смысловым заданием, проекцией которого оно себя узнает. Перед сознанием открывается «пространство» смысловых возможностей, которое в принципе бесконечно вариативно. Об этом «пространстве» намекает Гуссерль как об искомом основании предметного мира, которое связано с этим миром как всевозможность, дающая этот мир как один из вариантов бесконечной вариативности и соответствен-

но не закрепляющая за ним какого-то интимно-пророческого смысла.

Интенциональный гуманизм дает, таким образом, совершенно иную в сравнении с традиционными понятиями смысла и цели возможность идентичности человека. Эта возможность способна эффективно превратить чувство тревоги и разлада с собой и миром, характерное для активно самоутверждающихся индивидов, в перспективу бесконечного удовольствия. Это *нарциссическая идентификация*, категория, которую активировали для нашего времени З. Фрейд и неофрейдист Г. Маркузе. В контексте их интерпретации состояния Нарцисса речь идет о некоей негативирующей, *танатической* идентичности. Подвергается негации все, что препятствует реализации интенциональной всевозможности. Другими словами, отвергается традиционно понимаемое *identity*, воспринимаемое здесь как источник всех форм репрессивности. Нарциссический субъект не есть субъект в классическом понимании: здесь нет противоположения с пространством объектов, так как любой объект несет в себе элемент нарциссического *identity* и субстанционально уже принадлежит ему. И в то же время нет того, кто хотел бы особого отношения с объектом. Объект в нарциссизме есть не более, чем блик воды, нечто преходящее и не дающее повод фиксировать его более, чем все остальное. Этот блик есть даже не элемент картины, т. е. нечто само по себе не значимое, но устойчивое. Блики воды (продолжая метафору) есть неповторимые и не нуждающиеся в повторениях раздражители внимания, которое поглощено удовольствием от восприятия воды в целом.

Традиционный субъект так или иначе пребывает в противоположении действительности, определяя для себя степень этой противоположности посредством оценки и акта своего действия. Причем это действие зачастую разрушительно. Это вызов, долженствующий подчеркнуть различие индивида и мира. Нарциссический субъект в идеале тождественен действительности, он полностью согласен с миром и, по словам Г. Маркузе, не взрывает действительность, а, напротив, укрепляет и двигает вперед. Нарцисс – это репродуктор всевозможности, и он способен быть им в силу того, что лишен какого-либо устойчивого образа, он принципиально а-формален. Он – идеаль-

ный агент бесцельности и бессмысленности. Как пишет Маркузе, нарциссические образы не утверждают «образ жизни», а указывают на мир глубин и смерти; они не несут никакого «сообщения», кроме отрицательного [Маркузе, 2002. С. 144].

Нарциссизм есть расфокусированное, шизоидное сознание, которое функционирует на основе тотальной де-центрации и в котором принцип рефлексии находит свой конец. Но, следуя Фрейд и Маркузе, обретает начало «принцип нирваны» с его отсутствием болезненных различий, доставлявших столько тревог рефлексирующему субъекту. Нарциссизм есть в идеале абсолютная толерантность и адаптация. Как сказано у Г. Маркузе, это «...фундаментальная сопричастность действительности, которая указывает на возможность всеобъемлющего экзистенциального порядка» [Маркузе, 2002. С. 147].

Природа Нарцисса интерсубъективна, а ее и утверждает *интенциональный гуманизм* как замену автократичной субъективности, которая не очень подвластна авторитетам *media-гуманизма*. И если говорить о некоей неизменной точке интерсубъективной динамики, то это – «нулевое тело» (Э. Гуссерль), категория, проясняющая метафору Нарцисса и указывающая на тяготение нашей эпохи к бесформенности.

Список литературы

Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2006.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002.

Материал поступил в редколлегию 09.10.2008

R. V. Shamolin

INTENTIONAL HUMANISM – THE MYTH OF NARCISSUS

Appealing to the nature of the human subjectivity presupposes a correlation with the epoch's world-view. Our time's main set of outlooks on life is intentionalism, and we suggest an analysis of narcissistic modus of subject's being having regard to it.

Keywords: intentionality, humanism, freedom, subject, narcissism.